

УДК 811.161.373.612.2

Ю. В. Кравцова

Херсонский государственный университет

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ А. АХМАТОВОЙ

Розглядаються проблеми метафоричного моделювання дійсності, уточнюються поняття метафоричної моделі, вводяться поняття метафоричної мегамоделі та субмоделі, здійснюється зіставний семантико-когнітивний аналіз метафорики поезії та прози Г. Ахматової, визначаються базові концепти її індивідуальної метафоричної картини світу. Запропонована методика опису метафоричних моделей призначається для дослідження великого корпусу метафор.

Рассматриваются проблемы метафорического моделирования действительности, уточняется понятие метафорической модели, вводятся понятия метафорической мегамодели и субмодели, осуществляется сопоставительный семантико-когнитивный анализ метафорики поэзии и прозы А. Ахматовой, определяются базовые концепты ее индивидуальной метафорической картины мира. Предлагаемая методика описания метафорических моделей предназначена для исследования большого корпуса метафор.

Problems of metaphorical modelling of the reality are considered, the concept of metaphorical model is specified, concepts of metaphorical megamodel and submodel are introduced, the comparative semantic and cognitive analysis of metaphors in Ahmatova's poetry and prose, basic concepts of her individual metaphorical picture of the world are defined. The suggested technique of description of metaphorical models is intended for research of the big complex of metaphors.

Постановка проблеми. В лінгвістических дослідженнях останніх років активно розробляються концепції метафорического моделювання і метафорическої картини світу, розглядають метафору відповідно як динамічний процес породження нового переносного значення і відносно статичне явлення, існуюче в мовному свідомості певної лінгвокультурної спільноти або окремого її представника в певний історичний період. Такий інтерес до вивчення складних механізмів метафорического відображення реальності і моделюючої ролі метафори пояснюється прагненням до пізнання сутності індивідуального, національного і загальнолюдського мислення.

Метафорическа картина світу письменника представляє собою результат його ментально-образної діяльності, відображення особистих представлень про оточуючу дійсність в метафорическій його творчості. Майстер слова в силу естетичного прагнення до самовираження і нестандартного мововосприяття намірено вводить в мистецтвенне простір тексту метафори, які одночасно формують і моделюють його. Метафорическа письменника як складова його мистецтвенної картини світу – це, з однієї сторони, репрезентація реального світу і об'єктивного знання про нього, закріплене в мові, через призму авторського творчого мислення, а з другої – спосіб створення індивідуального образу світу.

Реконструкція картини світу автора на базі створених ним текстів означає встановлення цінностей даної мовної особистості і ієрархії значень в її тезаурусі [5, с. 36]. Тому виявлення продуктивних в творчості того або іншого

поэта или прозаика метафорических моделей позволяет воссоздавать устойчивые в его сознании образно-ассоциативные связи реалий, устанавливать ключевые концептуальные метафоры, составляющие основу общего представления автора об окружающем мире. Особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателя, владеющего двумя формами словесного выражения – стихотворной и прозаической. Поэзия и проза одного автора – это уникальное лингвохудожественное явление, получившее название литературного «билингвизма» (Р. О. Якобсон). Такое «двуязычие» было характерно для русской литературы первой половины XX в. (И. Анненский, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, И. Бунин, М. Кузмин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Цветаева и др.), когда именно прозаическая форма использовалась поэтами для разрешения творческих исканий в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения авторского замысла, не уместяющегося в границах стихотворной формы. «Проза поэта» (Р. О. Якобсон), включающая художественные, мемуарно-автобиографические, литературно-критические и т. п. произведения, обладает определенными чертами, раскрывающими сущность творческой индивидуальности поэта, излагающего свои мысли в прозе.

Изучение языковой личности поэта-прозаика, его литературного наследия представляется важным для определения особенностей осмысления действительности и реализации смыслового потенциала слов, степени взаимосвязи и взаимопроникновения образных средств в стихах и прозе. Состав метафор, характер и частота их использования в разных по форме жанрах литературы четко отражает специфику авторского креативного мышления, личностной репрезентации мира и эстетических взглядов писателя-«билингва».

Анализ последних исследований и публикаций. Последовательно формируемая в современной российской и отечественной лингвистике теория метафорического моделирования возникла на стыке когнитологии и семантики и развивается в двух направлениях – когнитивно-семантическом, базирующемся на постулатах когнитивной лингвистики с учетом достижений современной семантики (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.), и семантико-когнитивном, основывающемся на семантической дериватологии в контексте основных положений когнитологии (О. Н. Алешина, Ж. А. Вардзелашвили, Л. А. Кудрявцева, Г. Н. Складневская, Н. П. Тропина и др.). Это обусловлено общностью семантического и когнитивного подходов в развитии идей о креативной и моделирующей роли метафоры, которая организует и регулирует мировосприятие человека.

Установлению конкретных метафорических моделей в текстах / дискурсах определенной жанрово-стилевой квалификации посвящено немало специальных публикаций (Н. И. Борковец, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Х. П. Дацишин, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, Т. А. Кукса, А. Б. Ряпосова, О. А. Солопова, Ю. Б. Феденева, А. А. Федосеев, И. А. Филатенко, О. М. Чадюк и др.), где, как правило, материал научного исследования представляет собой сферу-цель (политический, экономический, медицинский и т. п. дискурс) и описание при этом сводится к инвентаризации и классификации сфер-источников метафорической номинации и их фрейм-слотовой структуры. Однако, несмотря на то, что данная методика анализа метафорических моделей в целом сложилась, остается еще много дискуссионных и нерешенных вопросов. Подобный подход к изучению художественного текста / дискурса только начинает находить свое применение (Н. В. Головенкина, А. С. Назин, Е. Н. Осатюк, Е. Б. Рябых, М. Б. Шинкаренкова), поэтому принципы описания такого материала еще только формируются, что объясняется сложностью самого объекта – метафорики писа-

теля, которая отражает индивидуально-авторское восприятие действительности и создает уникальную, неповторимую модель мира с разветвленной структурой исходных и новых сфер метафоризации.

Метафоры в творчестве А. Ахматовой, причем преимущественно в ранней ее поэзии, рассматривались в литературоведческом аспекте (Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Л. Я. Гинзбург, Н. С. Трифонова и др.), лингвистическое их исследование с разных позиций проводилось в работах В. В. Виноградова, Н. А. Кожевниковой, Ю. С. Лазебника. Особенности ахматовской прозы до сих пор оставались за пределами научных интересов языковедов.

Цель и задачи статьи. В данной статье осуществляется сопоставительное семантико-когнитивное описание продуктивных метафорических моделей поэзии и прозы А. Ахматовой, что предполагает рассмотрение и уточнение понятий метафорического моделирования, метафорической модели и ее составляющих, мегамодели и субмодели, описание методики анализа метафорических моделей и характеристики продуктивных моделей в стихотворных и прозаических произведениях исследуемого поэта-прозаика.

Изложение основного материала. Человеческое мышление обладает основополагающими для процесса метафоризации способностями к анализу воспринимаемых объектов и ситуаций, сравнению разных сущностей, проведению аналогий между сходными в каком-либо отношении представлениями о тех или иных реалиях. В метафоре реализуется одно из всеобщих существенных свойств и отношений явлений действительности и ее восприятия по признаку нахождения ассоциативных связей между ними и их отражением в познавательной деятельности человека, т.е. в основе метафоризации лежит сопоставление, сравнение определенных предметов и явлений на базе какого-либо ассоциативного признака. С помощью метафоры человек может осмысливать довольно сложные и неизученные предметные области, познавать неизвестное через известное, используя имеющийся у него фонд знаний. Метафора дает возможность «выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего еще нет прямого обозначения, причем выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и их синтаксическую сложность» [2, с. 189]. Метафорические номинации возникают в результате креативного когнитивного процесса, на который оказывают непосредственное влияние язык и свойственный данной культуре способ концептуализации действительности. В данной работе метафора интерпретируется как вербально-ментальный конструкт, обозначающий некоторый класс объектов, для характеристики или наименования другого класса объектов, обусловленный их сопоставлением на основании аналогии или сходства между ними, а метафоризация – как семантико-когнитивный механизм, позволяющий обнаруживать общность у различных денотатов на основании образно-ассоциативных комплексов, существующих в сознании носителей языка.

Метафорическое моделирование может рассматриваться, на наш взгляд, в широком и узком смысле. В первом случае это способ познания, концептуализации, категоризации и репрезентации реального и ирреального мира на базе образно-ассоциативного мышления, отражающий национальное и личностное самосознание на определенном этапе исторического развития лингвокультурной общности. В более узком понимании – это средство создания и реконструкции коллективной и индивидуальной метафорической картины мира, отражающей регулярность и продуктивность тех или иных метафорических моделей в конкретный исторический период.

Все языковые модели являются результатом предшествующей практики языка и культуры, содержат в себе моменты стереотипности, запечатлевая тем самым исто-

рический опыт этноса в устойчивых формах, и, хотя язык оставляет место для новых моделей, они входят в языковую практику крайне затруднительно [3, с. 25]. Поэтому чтобы выяснить, какие изменения происходят в национальной языковой картине мира, необходимо изучить ее на разных этапах эволюции. Так, исследование продуктивности определенных классов слов как источников метафорообразования и регулярности пополнения конкретных семантических сфер за счет метафорических наименований способствовало установлению основных типов переносов (человек → животное, животное → человек, животное → растение, артефакт → человек и т. д.), причем в каждом языке в разные исторические периоды доминируют те или другие из них. К примеру, в современном русском языке, по данным ряда работ (Г. Н. Скляревская, О. Н. Алешина, Л. В. Балашова, Е. О. Петрова и др.), их насчитывается от двадцати до ста.

Метафорическая модель с когнитивной точки зрения – устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языке и культурной традиции данного общества, а с позиций семантики – это типовое соотношение денотативно-понятийных сфер мотивирующего и мотивированного значений слов, проявляющееся в семантическом форманте, или регулярный перенос тематически соотносительных слов одного класса на другой на основе их сходства. Метафорическая модель в нашем понимании – это существующая в сознании носителей языка схема вербализации коррелятивных в ассоциативном плане понятий, включающая исходную и новую идеографические сферы и семантико-когнитивный формант, являющийся основанием их сходства, т. е. представляющий собой ментально-смысловой элемент, интегрирующий разные сущности, сходные в каком-либо отношении (например, метафорическая модель «физические свойства человека → природные явления и стихии > звук»). Метафорические модели могут иметь разновидности, характеризующиеся вариативностью новой понятийной сферы или семантико-когнитивного форманта при устойчивой исходной понятийной сфере, называемые нами субмоделями (к примеру, метафорическая модель «физические свойства человека → природные явления и стихии > звук» может выступать в субмоделях «речь → атмосферное явление > сила звучания» (*шепот ветра*), «речь → атмосферное явление > степень различения звука» (*бормотание вьюги*), «речь → природные стихии > сила звучания» (*вопли бури*) и др.). Совокупность метафорических моделей со сходными понятийными сферами образуют мегамодель, т. е. направление переноса из одной идеографической области в другую, сформулированное в наиболее общем виде («Человек → Неживая природа», «Живая природа → Человек» и т. п.).

Рассмотрим особенности метафорического моделирования в поэзии и прозе А. Ахматовой, которые представляют, на наш взгляд, большой интерес для понимания ее художественно-эстетических воззрений. На правомерность такого подхода к ее лирике А. Ахматова указывала сама: «Чтобы добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта – в них и таится личность автора и дух его поэзии» [1, с. 331]. При этом важным является тот факт, что ахматовская поэзия долгое время считалась «поэзией непереносных смыслов» (В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум и др.) и выделялись такие характерные черты ее лирической манеры, как «стремление к целомудренной простоте слова, боязнь ничем не оправданных поэтических преувеличений, чрезмерных метафор и истасканных тропов, ясность и сознательная точность выражения» [1, с. 466]. Высказывалось также мнение о том, что А. Ахматова избегает метафор, лишь изредка употребляет их и при этом «как бы намеренно берет самые прозаические метафоры, тем

самым не придавая метафоре как таковой специально поэтического значения» [1, с. 490]. Данные выводы были обусловлены, скорее всего, тем, что ее поэзия рассматривалась на фоне поэзии символистов, для которых метафорическое восприятие мира являлось основным «свойством» поэта [1, с. 467], хотя можно, пожалуй, согласиться, что в целом ориентация Ахматовой в первую очередь на прямое, «точное» слово была довольно устойчива. Однако впоследствии стали отмечать, что в поздних ее стихах «метафоризм все более усложняется» [4, с. 186], а это косвенно подтверждает факт присутствия метафорических переносов и в ранней ахматовской поэзии.

Проведенный автором статьи анализ стихотворных и прозаических текстов А. Ахматовой показал, что метафоричность как признак идиостиля стала складываться еще в самом начале ее поэтического творчества и используемые и создаваемые ею метафоры на протяжении всей литературной деятельности образуют цельную метафорическую картину мира. Следует, однако, отметить, что метафор в ахматовской прозе значительно меньше, чем в поэзии, они составляют примерно 15 % от общего их числа, что в общем соответствует традициям метафорического словоупотребления в русской литературе.

Основу метафорической картины мира в поэзии А. Ахматовой составляют мегамодели «Человек → Неживая природа», «Человек → Живая природа», «Человек → Человек», «Человек → Социум», «Человек → Артефакт», «Неживая природа → Человек», «Социум → Неживая природа», «Социум → Живая природа», «Живая природа → Социум», «Артефакт → Неживая природа», «Неживая природа → Неживая природа». Данные идеографические сферы включают следующие понятия: «Человек» – его физические (портрет, телосложение, части тела, голос / речь и т. п.), физиологические (внутренние органы, проявления жизнедеятельности организма), психические (ощущения, восприятия, память, мышление и т. д.) и душевные (черты характера, чувства, переживания) свойства; «Социум» – социальные явления, сферы деятельности человека и т. п.; «Неживая природа» – небесные тела, природные явления и стихии, полезные ископаемые и т. д., то есть все, что окружает человека, кроме флоры, фауны и артефактов; «Живая природа» – представители животного и растительного мира; «Артефакт» – продукты человеческой деятельности (предметы быта, строения и др.), в отличие от объектов и явлений неживой природы, которые существуют независимо от человека.

Мегамодель «Человек → Неживая природа» реализуется в поэзии А. Ахматовой в разных метафорических моделях:

– «физические свойства человека → природные явления и стихии > звук», которая представлена субмоделью «речь → атмосферное явление > сила звучания» (громко / тихо): *даже голос ветра слаб* [1, с. 65]; *А голос ветра был понятен мне* [1, с. 182]; *Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав, кричит* [1, с. 98]; *Там шепчутся белые ночи мои* [1, с. 231];

– «физические свойства человека → небесные тела > форма», выступающая в виде метафорической субмодели «части тела, органы человека → рельеф земли (луны) > очертания»: *Дымилось тело вспаханных равнин* [1, с. 107]; *Где томится пречистое тело Оскверненной врагами земли* [1, с. 200]; *Вижу, вижу лунный лик* [1, с. 102]; *И помертвелого месяца лик Совсем ни к чему возник* [1, с. 200];

– «физиологические свойства человека → природные явления и стихии > динамика», представленная субмоделью «процесс жизнедеятельности человека → атмосферное явление > движение»: *Бродит ветер, безлюдно рад* [1, с. 95]; *В песок*

зарывала желтое платье, *Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга* [1, с. 120]; *Когда бессонный мрак вокруг клокочет* [1, с. 240];

– «физиологические свойства человека → небесные тела > состояние», реализующаяся в субмодели «процесс жизнедеятельности человека → участок земли > состояние покоя»: *Склонился тусклый мертвый лик К немому сну полей* [1, с. 47]; *Под плотным снегом отдыхает луг* [1, с. 108];

– «душевные свойства человека → природные явления и стихии > состояние», выступающая в виде субмодели «черты характера → атмосферное явление > степень и характер проявления состояния» (сильно / слабо, медленно / быстро): *Ветердушный и суровый С черных труб сметает гарь* [1, с. 73]; *А в родной стране от ласки инея Поседел сразу косы темные* [1, с. 260]; *И снег летит откуда-то не сверху... Ленивый, ласковый и осторожный* [1, с. 158].

Метафорическая мегамодель «Человек → Человек» представлена в ахматовской поэзии следующими моделями:

– «физические свойства человека → душевные свойства человека > проявление объекта», реализуемая в субмодели «речь → чувства > степень проявления объекта» (сильно / слабо): *И молнии огонь летучий, И голос радости мозучей, Как ангелы сойдут ко мне* [1, с. 133]; *К уху жарко приникает Черный шепоток беды* [1, с. 178];

– «физические свойства человека → физиологические свойства человека > проявление объекта», выступающая в виде субмодели «физическое состояние человека → части тела, органы человека > характер проявления объекта» (хорошо / плохо, приятно / неприятно): *Томилось сердце, не зная даже Причины горя своего* [1, с. 52]; *Сердце темное измаялось В нежиле доме твоём* [1, с. 50];

– «душевные свойства человека → физические свойства человека > проявление объекта», представленная субмоделью «чувства → части тела, органы человека > степень и характер проявления объекта» (сильно / слабо, глубоко и т.п.): *О, сердце любит сладостно и слепо!* [1, с. 35]; *О, как сердце мое тоскует!* [1, с. 54].

Мегамодель «Человек → Социум» выступает в виде метафорической модели «физические свойства человека → социальные явления > проявление объекта» и соответствующей субмодели «движение → общественное мнение > степень и характер проявления объекта» (мало / много, распространенность): *Слух чудовищный бродит по городу* [1, с. 147]; *А наутро притащится слава Погремушкой над ухом трещать* [1, с. 162]; *И всюду клевета сопутствовала мне. Ее ползучий шаг я слышала во сне* [1, с. 166].

Метафорическая мегамодель «Человек → Артефакт» реализуется в метафорической модели «физические свойства человека → продукт интеллектуально-производственной деятельности > звук», которая проявляется в виде субмодели «речь → музыкальный инструмент > сила звучания» (громкость): *И скорбных скрипок голоса* [1, с. 54]; *И над толпою голос колокольный* [1, с. 136]; *Пусть голоса органа снова грянут* [1, с. 162]; *И в голосе грозном софийского звона Мне слышится голос тревоги твоей* [1, с. 261]; *Колокол заговорил Не набатным, грозным голосом* [1, с. 152]; *И поет, поет постылый Бубенец нижегородский* [1, с. 102]; *Иль голосом серебряным волынка Вдали поет о вечере разлук* [1, с. 102].

Мегамодель «Человек → Живая природа» представлена метафорической моделью «физические свойства человека → флора > форма» и соответственно ее субмоделью «части тела, органы человека → деревья > очертания»: *И сосен розовое тело В закатный час обнажено* [1, с. 256]; *Где елей искалеченные руки Взывали к миценью* [1, с. 214]; *В самом сердце тайги дремучей* [1, с. 324].

Метафорическая мегамодель «**Неживая природа** → **Человек**» реализуется в метафорической модели «водоемы → физические свойства человека > звук» и ее субмодели «водный поток → речь > характер звучания» (размеренность, плавность): *Но я эту запомнила **речь**, – Пусть **струится** она сто веков подряд* [1, с. 25]; *И **струится** пенье панихидное* [1, с. 163]; *И до света не слушаешь ты, Как **струится** поток доказательств Несравненной моей правоты* [1, с. 186]; *Так **исповедь** льется немая* [1, с. 191]; *Там солдатская **шутка** **Льется**, желчь не тая* [1, с. 246].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Неживая природа**» выступает в виде модели «интеллектуально-творческая деятельность → природные явления и стихии > динамика» и соответственно субмодели «танец → атмосферное явление > характер движения» (размеренность, хаотичность и т.п.): *Занавес неподнятый, **Хоровод теней*** [1, с. 158]; *Белых **ноченок хоровод*** [1, с. 325]; ***Бал метелей** на Марсовом поле* [1, с. 315].

Мегамодель «**Социум** → **Живая природа**» представлена метафорической моделью «интеллектуально-творческая деятельность → флора > расположение» и ее субмоделью «танец → деревья > характер расположения» (в одну линию, параллельно, хаотично и т.п.): *А застывший навек **хоровод** Надмогильных твоих **кипарисов*** [1, с. 176]; *И первыми в **танец** **вступают березы**, Накинув сквозной убор* [1, с. 211].

Метафорическая мегамодель «**Живая природа** → **Социум**» проявляется в виде метафорической модели «птицы → интеллектуально-творческая деятельность человека > количество» и соответствующей субмодели «объединения птиц → художественное творчество > множество / совокупность»: *В тот навсегда опустошенный дом, Откуда унеслась **стихов** сожженных **стая*** [1, с. 220]; *Все тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий жар, И **стихов** моих белая **стая*** [1, с. 111].

Мегамодель «**Артефакт** → **Неживая природа**» реализуется в следующих метафорических моделях:

– «продукт производственного процесса → природные явления и стихии > проявление объекта», выступающей в виде субмодели «продукт химической обработки, вещество → атмосферное явление > характер проявления объекта» (блеск, яркость и т. п.): *Потускнел на **небе** **синий лак*** [1, с. 80]; *Пустых **небес** прозрачное **стекло*** [1, с. 98];

– «продукт производственного процесса → природные явления и стихии > форма», которая выражается с помощью субмодели «продукт станочного изготовления → атмосферное явление > очертания» (перекрестное расположение элементов и др.): *И сквозь густую **водяную сетку** Я вижу милое твое лицо* [1, с. 89]; *Сквозь **инея** белую **сетку** Малиновый каплет свет* [1, с. 110].

Метафорическая мегамодель «**Неживая природа** → **Неживая природа**» представлена в виде модели «водоемы → природные явления и стихии > динамика» и ее субмодели «водный поток → атмосферное явление > характер движения» (непрерывность, размеренность и т.п.): *Холодочка **струится волна*** [1, с. 222]; *А сам закат в **волнах эфира*** [1, с. 256]; *И ветер в круглое окно **Вливался** влажною струею* [1, с. 93].

В прозе А. Ахматовой метафоры входят в такие мегамодели, как «Человек → Социум», что характерно и для ее поэзии, а также «Неживая природа → Социум», «Неживая природа → Артефакт», присущие только прозе.

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Социум**» реализуется в ахматовской прозе с помощью модели «физиологические свойства человека → интеллектуально-творческая деятельность > проявление объекта» и ее субмодели «процесс жизнедеятельности человека → художественное творчество > проявление свойств» (воз-

действие): *Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования* [1, с. 340]; *глубокое дыхание появилось в стихах Мандельштама* [1, с. 355].

Мегамодель «**Неживая природа → Социум**» проявляется в метафорической модели «физическое явление → социальное явление > проявление объекта», которая выступает в виде субмодели «световое явление → общественная оценка > степень проявления» (слабый / сильный): *Как художник он не имел и тени признания* [1, с. 340]; *Тень неблагополучия лежала на этом доме* [1, с. 353].

Метафорическая мегамодель «**Неживая природа → Артефакт**» представлена моделью «природные явления и стихии → продукт интеллектуально-творческой деятельности > количество» и ее субмоделью «атмосферное явление → продукт художественного творчества > совокупность / множество»: *ливни, хлещущие на страницах книг Бориса Пастернака* [1, с. 348]; *непрекращающийся дождь его стихов* [1, с. 351]; *В этот самый день я после града телеграмм приехала к Мандельштамам* [1, с. 354].

Все остальные метафоры ахматовской поэзии и прозы единичны по способу образования и соответственно непродуктивны.

Базовым метафорическим концептом поэзии и прозы А. Ахматовой является понятие «**Голос**» (и его разные проявления: *крик, вопль, шепот, бормотание, пение*): *даже голос ветра слаб* [1, с. 65]; *А голос ветра был понятен мне* [1, с. 182]; *Я слышу иволги всегда печальный голос* [1, с. 132]; *голос памяти* [1, с. 167]; *И скорбных скрипок голоса* [1, с. 54]; *И над толпою голос колокольный* [1, с. 136]; *Пусть голоса органа снова грянут* [1, с. 162]; *И в голосе грозном софийского звона Мне слышится голос тревоги твоей* [1, с. 261]; *Колокол заговорил Не набатным, грозным голосом* [1, с. 152]; *Другие ивы что-то говорят* [1, с. 182]; *Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав, кричит* [1, с. 98]; *За порогом дикий вопль судьбы* [1, с. 181]; *Грай вороний, и вопль паровоза* [1, с. 235]; *Там шепчутся белые ночи мои* [1, с. 231]; *свое бормотали арыки* [1, с. 234]; *Безмолвна песня, музыка нема* [1, с. 255]; *И поет, поет постылый Бубенец нижегородский* [1, с. 102]; *Иль голосом серебряным волынка Вдали поет о вечере разлук* [1, с. 102]; *Это песня последней встречи* [1, с. 32]; *И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада* [1, с. 237] и др. Это обусловлено, вероятно, тем, что для нее достаточно важным представлялось, с одной стороны, умение слушать и слышать речь, вербализованные мысли человека и звуки окружающего мира, что, собственно, подтверждается всем ее литературным творчеством, воспоминаниями современников [1], а с другой – желание быть услышанной другими (примечательно в связи с этим, что один из сборников произведений А. Ахматовой назван цитатой из ее стихотворения «Узнают голос мой...»).

Выводы. Поэзия и проза А. Ахматовой не являются неким неразрывным целым в плане способов реализации и взаимопроникновения метафорических образов, – ее стихотворные и прозаические произведения связаны между собой в первую очередь единством языковой личности писателя, спецификой ее художественного мышления. Это отражено в созданной автором метафорической модели мира, которая демонстрирует общность метафорики поэзии и прозы А. Ахматовой только на уровне мегамодели «Человек → Социум», вследствие чего обнаруживаются ее жизненные и художественно-эстетические приоритеты – человек и его роль в обществе. Кроме того, из тринадцати метафорических мегамоделей, выявленных в ахматовских произведениях, десять непосредственно связаны с человеком и его деятельностью. Данный факт полностью подтверждает, что метафорическая картина мира А. Ахматовой антропоцентрична по своей сути, так как одной из самых

продуктивных сфер метафоризации выступает человек в физическом, личностном и социальном аспектах.

Разработанная автором методика описания продуктивных метафорических моделей может быть использована при исследовании значительных корпусов метафор в различных текстах, дискурсах, словарях.

Перспективы дальнейших исследований. Активизация научного интереса в области метафорического моделирования свидетельствует о стремлении ученых к выработке некоей единой классификации, которая позволит выделить все продуктивные модели на разных этапах развития языка. Такая работа представляется достаточно сложной и трудоемкой, однако ее результаты будут способствовать наиболее полной инвентаризации и систематизации метафорических моделей и откроют большие возможности для постижения общих закономерностей метафорического моделирования действительности.

Библиографические ссылки

1. **Ахматова А.** Узнают голос мой... : Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров; вступ. ст. Л. А. Озерова / А. Ахматова. – М. : Педагогика, 1989. – 608 с.
2. **Баранов А. Н.** Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафористики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
3. **Боженкова Р. К.** Понимание текста как лингвокультурологическая категория / Р. К. Боженкова. – Курск : Изд-во КГТУ, 2000. – 180 с.
4. **Иванов В. В.** Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. Статьи по русской литературе / В. В. Иванов. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 880 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

Надійшла до редколегії 12.04.09